

В представлении Луань Чэна Гу Цинхуай был этакой «высокогорной травой» — недосягаемым и холодным. Рядом с ним шутки часто проваливались в тишину, а попытки пустить пыль в глаза натывались на ироничный отпор. Короче говоря, предугадать ход его мыслей или как-то им помыкать было задачей не из легких.

С той самой ночи, когда Сунь Сяо натравил на него призраков, Луань Чэн начал питать к Гу кое-какие чувства. Но он полагал, что с таким человеком нужно пуд соли съесть, прежде чем тот хоть что-то заметит, а может, и вовсе ничего не выйдет. В конце концов, никто не вешал на Гу Цинхуая ярлык «гей».

Луань уже настроился на долгую осаду и даже провел с собой психологическую подготовку. Кто же знал, что этот парень снова пойдет не по правилам...

Честно говоря, Луань Чэн пребывал в полнейшем ступоре, а расплатой за это стала невозможность сосредоточиться на уроках.

Учитель Ю взял отгул, но только придя в школу, Луань узнал, что это не просто отгул, а затяжной отпуск. Сегодня физику пришла вести другая преподавательница, и, судя по всему, она задержится надолго.

Звали её Юй Юйпин. Среди всех физиков в параллели десятых классов она была единственной женщиной. Знания она давала неплохие, но авторитетом у учеников не пользовалась. Луань Чэн и раньше её недолюбливал, а тут еще и мысли в голове крутились такие, что внимание то и дело уплывало вдаль.

— Луань Чэн! — Юй Юйпин терпеть не могла, когда на её уроках витали в облаках. Лицо её мгновенно потемнело, и кусок мела полетел прямо в Луаня. Меткостью Лю Даньны она не обладала: мел пролетел мимо, ударился о стену и упал у ног парня. — Не хочешь слушать — можешь проваливать из класса!

— Простите, учитель, — Луань Чэн поднялся с места.

— Подними мел и принеси сюда, — скомандовала Юй Юйпин.

Мелок разломился на две части и был совсем коротким — пользоваться им было уже нельзя. Но Луань Чэн всё равно наклонился и поднял его. Он не любил эту женщину, но не хотел срывать урок остальным. Он дошел до трибуны, положил обломки на стол и развернулся, чтобы идти на место.

В принципе, на этом инцидент мог быть исчерпан. Он признал вину, она выпустила пар. Но нет — Юй Юйпин демонстративно смахнула мелки в мусорное ведро и бросила вслед: — Медлительный какой. Так и дерьма теплого съесть не успеешь.

Класс был не маленьким, но из-за гробовой тишины её слова отчетливо долетели до каждого уха. Луань Чэн на секунду запнулся, но промолчал. Однако никто не ожидал, что в этот момент подаст голос Гу Цинхуай:

— Ну да, не успеет. Видимо, всё «тепленькое» вы в одиночку подъели?

— Пха-ха! — кто-то не сдержался и прыснул.

В холодном взгляде Луань Чэна промелькнула искра тепла.

Юй Юйпин буквально закипела: — Гу Цинхуай! Вон из класса!

Она не знала всех учеников по именам, ведь это был не её класс. Но школьного красавчика Луань Чэна и нового гения Гу Цинхуая она запомнила крепко.

Гу Цинхуай молча подхватил листок с заданием и вышел. Только Чжоу Пэн, набравшийся смелости обернуться, заметил, что листок-то был Луань Чэна. Видя такое дело, Луань тоже не стал задерживаться: прихватил ручку и последовал за другом.

Юй Юйпин, задыхаясь от злости, язвительно хмыкнула и обратилась к остальным:

— Те, кто тоже не желает слушать, могут выметаться прямо сейчас. Нечего мешать нормальным людям учиться.

Это был явный камень в огород ушедших. Чжоу Пэну стало тошно от этих слов, он уже потянулся за своей тетрадью, но не двинулся с места: перед самым выходом Луань Чэн едва заметно качнул ему головой — мол, сиди.

Луань знал Чжоу Пэна как облупленного, и тот отвечал ему тем же. Чжоу понимал: если Луань стерпел оскорбление, значит, он не хочет проблем для класса. Если он сейчас выйдет, то просто перечеркнет старания друга. К тому же, сорвись он — за ним потянутся и остальные. Ребята, которых Луань раньше прикрывал, вопросительно посмотрели на Чжоу Пэна. Увидев его отрицательный жест, они остались на местах.

Юй Юйпин победно улыбнулась, подумав: «И это хваленая популярность Луань Чэна? Пшик один».

Луаню было плевать, пошел за ним кто-то или нет. Он не собирался отнимать время у класса. Да и оказаться наедине с Гу Цинхуаем было... неплохо. Его сто лет не выгоняли с уроков. На самом деле, хоть он и был силен не во всех предметах, учителя его любили.

— Сменим локацию? — спросил Гу Цинхуай. Голос Юй Юйпин из-за двери резал слух.

Луань Чэн усмехнулся: — Не, останемся здесь. Объяснишь мне задачки, «учитель Гу»?

На губах Гу Цинхуая заиграла улыбка: — Хорошо.

Пока Юй Юйпин вещала внутри, это ничуть не портило настроения парочке в коридоре. Если сначала Луаню было противно от её слов про «дерьмо», то заступничество Гу мигом исправило ситуацию. А Гу Цинхуай, услышав это «учитель Гу», почувствовал странный трепет и необъяснимую радость.

На уроке физик обычно разбирал только те задачи, в которых ошибалось большинство. О какой-то индивидуальной работе и речи не шло. Но здесь, в коридоре, Луань Чэн получил настоящий «спецкурс». Физика была вторым любимым предметом Луаня после математики. Ошибок у него было немного, и Гу Цинхуай разобрал их за считанные минуты. Причем Луаню показалось, что объяснения Гу куда доходчивее, чем лекции Юй Юйпин.

Они говорили вполголоса, чтобы не мешать тем, кто остался в классе.

— Эх, знал бы — взял бы еще какую-нибудь книгу, — вздохнул Луань Чэн. До звонка оставалось целых двадцать пять минут, и нужно было чем-то себя занять.

Гу Цинхуай ответил: — Ничего страшного.

Луань Чэн тут же сообразил: ну да, его сосед по парте — это практически ходячая мини-библиотека.

Гу Цинхуай перевернул листок с физикой чистой стороной кверху: — Пиши диктант по английским словам.

Луань Чэн: — ...

«Всё-таки этот „учитель Гу“ мне совсем не нравится!»

Когда прозвенел звонок с урока, листок Луань Чэна был исписан мелким почерком вдоль и поперек, а Гу Цинхуай уже успел обвести кружочками все ошибки. Юй Юйпин, выходя из класса, увидела, что парни не просто бездельничали, а учили английский. Она явно хотела вставить еще какую-нибудь колкость, но, встретившись взглядом с Гу Цинхуаем, так и не смогла выдать ни слова. Прямой, ледяной взгляд юноши заставил её почувствовать необъяснимый холод, пробежавший по спине.

Юй Юйпин нервно передернула плечами, мысленно выругалась и зашагала прочь. Цоканье её каблучков гулко разносилось по коридору.

Бай Ю спросил: — Нам проследить за ней?

Гу Цинхуай, аккуратно постукивая пальцем по листку Луань Чэна, обронил: — Просто присмотрите.

Бай Ю тут же испарился.

Луань Чэн забрал свой листок и вернулся в класс, где всю слышались тяжкие вздохи.

— Кто-нибудь знает, до какого числа учитель Ю в отпуске?

— Слышал, вроде на десять дней. С ума сойти, если мне придется каждый день созерцать чьи-то ноздри... аж тошно становится.

— Эй, Луань Чэн, ты же живешь прямо напротив учителя Ю! Знаешь, что стряслось? — окликнул его кто-то.

— Не знаю, утром только видел, как учитель Ю и бабушка Сюй куда-то ушли, — ответил Луань Чэн, переписывая слова, в которых ошибся. Мысль о том, что все ближайшие уроки физики придется терпеть Юй Юйпин, тоже не добавляла радости.

— Ого, ну вы даете! — Чжоу Пэн уставился на исписанный листок Луань Чэна. — А я-то сидел и страдал, что не могу выйти и поддержать братана. А вы тут время провели лучше, чем мы в классе.

— А как иначе? Не зря же я занял место буд...

— Будущего кого? — полюбопытствовал Чжоу Пэн.

— Никого. Да Пэн, у тебя есть лишняя ручка? Одолжи, — Луань Чэн поспешно сменил тему, даже не рискнув взглянуть в сторону Гу Цинхуая.

— А что у соседа не попросишь? — подколот его Чжоу Пэн, протягивая ручку.

— Издеваешься? Он как пришел с одной ручкой, так её до сих пор исписать не может!

Этот Гу Цинхуай был просто за гранью понимания: притащил в школу одну-единственную гелевую ручку и до сих пор ею пользуется. При их нагрузках, когда за день можно исписать новый стержень, это казалось магией. Но Гу Цинхуай был не как все: он писал только домашку и контрольные, конспекты не вел принципиально. Естественно, расход чернил был минимальным. К тому же он никогда не таскал канцелярию домой: для дома — домашнее, для школы — школьное. Девиз прост: не брать ничего лишнего, чтобы не утруждаться в дороге, ведь он и так всё знает. Луань Чэн уже всерьез подозревал, что всю школьную программу Гу прошел еще в прошлой жизни.

— Жаль, — покачал головой Чжоу Пэн. — Представь, какие бы у него были конспекты — загляденье. Не то что я... Чтобы научиться писать красиво, мне, похоже, придется дожидаться следующего воплощения.

— Главное, чтобы понятно было, — отозвался Луань Чэн.

— Утренние свои записи я еще разбираю, а вот послеобеденные — сплошные иероглифы.

Днем, особенно в это время года, его часто морило в сон. Если шел точный предмет — еще куда ни шло, но на гуманитарных... там слово «сонливость» даже близко не передавало масштаб трагедии.

Гу Цинхуай, слушавший этот разговор, ничего не сказал. Однако на следующем уроке Луань Чэн с изумлением обнаружил, что сосед начал вести конспект. Каждое слово ложилось на бумагу безупречно красиво. Почерк был настолько стильным, что Луань Чэну захотелось совершить разбойное нападение и отобрать тетрадь. Конечно, он еще не знал, что Гу Цинхуай пишет это специально для него.

Третьим уроком снова была физика. Бай Ю увязался за учительницей после занятия, но не вернулся даже к четвертому уроку. Луань Чэн начал беспокоиться и шепотом спросил Гу, всё ли в порядке. Тот ответил, что проблем нет — если бы с Бай Ю что-то случилось, Гу бы это почувствовал.

Луань Чэн успокоился, но когда Бай Ю наконец вернулся, он принес новости, от которых Луань едва не взорвался. Дело было даже не в самом призраке, а в Юй Юйпин.

Эта женщина отправилась прямиком к их классной руководительнице и начала изливать яд, поливая грязью его и Гу Цинхуая. Основной упор она делала на то, что они не уважают учителей, а Гу Цинхуай из-за хороших оценок вообще «задрал нос выше крыши».

В учительской в тот момент были и другие педагоги, которые всё это слышали. Слушая пересказ Бай Ю, Луань Чэн искренне пожелал Юй Юйпин сломать каблук на ровном месте. Это было запредельное бесстыдство. Он признавал, что отвлекся на уроке, но он извинился! А то, что она наговорила вслед — это разве поведение педагога?! Особенно учитывая, что мел он поднял без всяких препирательств!

Бай Ю тоже возмущался: — Что за дрянь такая? Сколько здесь нахожусь, впервые вижу учителя с таким уровнем воспитания. Как её вообще сюда взяли?!

Их школа «Шэньян» была лучшей государственной гимназией в городе Байсун, и отбор

учителей там был жесточайшим. Но везде бывают свои исключения. Луань Чэн вывел пальцем на парте: «Блат». Тут он не оклеветал Юй Юйпин — о её связях знали многие в школе, просто из-за её влиятельных покровителей никто не решался говорить об этом вслух. Луань Чэн узнал это случайно, подслушав обрывки разговора учителей.

Мин Юэ добавил: — Теперь понятно, почему она такая дерзкая.

— Пфф, — фыркнул Бай Ю. — Будь она хоть трижды «блатная», разве она круче Цинхуая или Луань Чэна? Пожирательница теплого дерьма, честное слово.

Луань Чэн чуть не приснул, но, помня, что идет урок, сдержался.

За обедом Луань Чэн гадал, вызовет ли их классная на ковер после доноса. Но Лю Даньна вела себя так, будто ничего не произошло: никаких нотаций, никаких звонков родителям. Парни были ей безмерно благодарны. Но за этой историей они снова вспомнили об учителе Ю.

Его отсутствие затянулось. После уроков Луань Чэн и Гу Цинхуай специально зашли постучать в его дверь, решив предложить помощь — всё-таки учитель Ю потерял сына много лет назад, и двоим старикам в доме могло понадобиться мужское плечо. Но дверь им не открыли. Похоже, супруги ушли утром и так и не вернулись.

Позже выяснилось, что бабушка Сюй заболела, и учитель Ю отвез её в больницу. Утром она казалась вполне бодрой старушкой, а теперь ей поставили страшный диагноз: рак прямой кишки на поздней стадии.

Узнав об этом, Луань Чэн и Гу Цинхуай не находили слов. Жизнь, старость, болезнь и смерть — это естественный цикл, но когда это касается близких знакомых, сердце всё равно сжимается.

Впервые Луань Чэн почувствовал, как близко ходит смерть. Когда умер его дедушка, Луань был совсем маленьким. Сейчас он даже толком не помнил похороны. В памяти осталось только то, как дед, всегда бодрый, любил сидеть во дворе и играть ему на эрху. А потом в один день просто упал и больше не поднялся.

Луань Чэн посмотрел на Гу Цинхуая: — У меня есть идея, не знаю только, сработает ли.

— Какая?

— Ты говорил, что Инь и Ян конфликтуют, поэтому Чэндун, латая твою душу, сам страдает и слабеет. А что, если он выйдет из твоего тела? Если он не будет внутри, а я попробую восстановить тебя своей энергией?

— Не выйдет, — покачал головой Гу Цинхуай. — Это поможет моему физическому состоянию, но душа останется нецельной. Проблему это не решит. С чего ты вдруг об этом подумал?

— Я вижу, ты совсем не торопишься. Тебе... разве у тебя осталось много времени? — Луань Чэн не смел поднять глаз на Гу Цинхуая.

— Да, но разве спешка поможет? — Гу Цинхуай самоиронично усмехнулся. — Давай в воскресенье навестим бабушку Сюй.

— Угу, — глухо отозвался Луань Чэн. — Слушай, сосед, скажи честно: о чем ты вообще думаешь?

— Я? Думаю о том, что надо... постараться не оставить тебя вдовцом.

— Лицо попроще сделай! Почему это ты стараешься не оставить меня вдовцом, а не я тебя? К черту! — Луань Чэн несильно, любя, пихнул Гу ногой.

— Вдовцом? — Гу Цинхуай ловко увернулся. — То есть ты готов признать наши отношения?

— Какие еще отношения? — Луань Чэн невольно затаил дыхание.

— Ну... те самые, из «чаши предсказаний», — сказал Гу Цинхуай. — Отношения парней. Возможно, из тех, что длятся всего год.

<http://bllate.org/book/16943/1577091>